ПРИНЦИП МАТЕРИАЛЬНОЙ ИСТИНЫ И ФИЛОСОФИЯ ПРАГМАТИЗМА В АМЕРИКАНСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

ВОСКРЕСЕНСКИЙ Федор Александрович, научный сотрудник лаборатории политико-правовых исследований факультета политологии, аспирант кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1

E-mail: voscresensky@mail.ru

В статье исследуются вопросы установления материальной (объективной) истины при производстве по уголовным делам. Анализируется отношение континентальной и англосаксонской моделей уголовного процесса к принципу материальной (объективной) истины. Данный принцип характерен только для континентальной модели уголовного судопроизводства, а в англосаксонском процессе закрепления и развития не получил. Истина здесь не является принципом и целью доказывания. По данному вопросу приводятся позиции ученых-процессуалистов США. Исследуется вопрос о соотношении указанного места принципа материальной истины в американском уголовном процессе с философией прагматизма. Основной акцент сделан на анализе теории доказательств и стандартах доказывания, применяемых в американских уголовных судах. Сделан вывод, что философия прагматизма, получившая широкое распространение в американском обществе XIX—XX вв., оказала существенное влияние на формирование существующих стандартов доказывания в уголовном процессе. Приведены теоретические установки американских философов — основателей прагматизма Джона Дьюи, Уильяма Джеймса, Чарльза Сандерса Пирса. Истинность того или иного объекта в объективном порядке связана с выгодностью, практическим результатом. В уголовном судопроизводстве это привело к формированию определенных стандартов доказывания, основанных на субъективной уверенности, в первую очередь доказывания или убеждения «вне разумных сомнений» (*beyond a reasonable doubt*). Получил широкое распространение институт сделки с правосудием, в рамках которого принимаются решения по абсолютному большинству уголовных дел в американских судах. Сделан вывод, что в уголовном процессе цель в виде достижения прагматического результата часто вступает в противоречие с целью в виде достижения материальной истины, что предопределяет необходимость расстановки приоритетов.

Ключевые слова: американское уголовное судопроизводство, философия прагматизма, объективная (материальная) истина, стандарты доказывания.

PRINCIPLE OF SUBSTANTIVE (OBJECTIVE) TRUTH AND PHILOSOPHY OF PRAGMATISM IN AMERICAN CRIMINAL TRIAL

F. A. VOSKRESENSKY, scholar of the laboratory of political and legal studies of the Faculty of political science, postgraduate student at the Department of criminal procedure, justice and public prosecutions of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991

E-mail: voscresensky@mail.ru

The article explores the issues of establishing substantive (objective) truth in criminal proceedings. The ratio of the continental and Anglo-Saxon models of the criminal process to the principle of material (objective) truth is analyzed. This principle is characteristic only for the continental model of criminal justice. It is not consolidation and development in Anglo-Saxon process. Truth here is not the principle and purpose of proof. On this issue, the positions of US scientists are cited. The article explores the question of the correlation of the indicated place of the principle of substantive truth in the American criminal process with the philosophy of pragmatism. The main focus is on the analysis of the theory of evidence and the standards of proof used in American criminal courts. It is concluded that the philosophy of pragmatism, which became widespread in the American society of the XIX—XX centuries had a significant impact on the formation of existing standards of evidence in criminal proceedings. The article presents theoretical guidelines of American philosophers — the founders of pragmatism John Dewey, William James, Charles Sanders Pierce. The truth of this or that object is necessarily connected with the profitability, the practical result. In criminal proceedings, this led to the formation of certain standards of evidence based on subjective certainty, primarily proving or persuading “beyond reasonable doubt”. The institute of the transaction with justice, in which decisions on the absolute majority of criminal cases in the American courts are made, is widespread. It is concluded that in the criminal process the goal and the form of achieving a pragmatic result, often comes into conflict with the goal in the form of achieving substantive truth, which predetermines the need for prioritization.

Keywords: American criminal justice, philosophy of pragmatism, objective truth, standards of evidence.

DOI: 10.12737/art.2018.3.23

Понятие материальной истины рядом крупных ученых в теории уголовного процесса выделяется как своего рода терминологический символ, позволяющий разграничить англосаксонскую и континентальную модели уголовного процесса¹.

В континентальном уголовном судопроизводстве традиционно имелось некое должностное лицо, обязанное *ex officio* (по долгу службы) осуществлять расследование и руководить им, в задачу которого входило полное, всестороннее и объективное рассмотрение уголовного дела. На стадии предварительного следствия этим лицом является следователь, судебный следователь или следственный судья, как во Франции. Терминологические различия в данном случае не существенны. И соответственно на судебных стадиях установление истины входит в непосредственную компетенцию суда. Подобный подход получил нормативное закрепление в законодательстве многих стран Европы, в первую очередь Франции, Германии, а также Российской империи (ст. 294, 333, 406, 613 и другие Устава уголовного судопроизводства 1864 г.) и позднее СССР (ст. 20 УПК РСФСР). Таким образом, положения уголовно-процессуального законодательства стран континентальной Европы ставили поиск истины одной из основных целей уголовного процесса. Истина понимается как цель доказывания, некий объективный (в традиционном смысле), не зависящий от воли сторон ориентир, в нашем случае обстоятельства совершенного преступления, достоверное установление которых и составляет общее назначение уголовного судопроизводства.

Напротив, в странах, исповедующих англосаксонское понимание уголовного судопроизводства, господствует мнение, что уголовный процесс — это не тот спор, где должна рождаться истина, и требование всесторонности, полноты и объективности нормативно не закрепляется. Поиск истины независимым уголовно-процессуальным субъектом не осуществляется в том числе и по той простой причине, что субъекта как такового в принципе не существует. Предварительного следствия как специализированной стадии, в рамках которой независимый субъект, действуя *ex officio*, осуществляет расследование и выяснение обстоятельств дела, англосаксонской правовой системой не предусмотрено. Юридически значимое установление обстоятельств дела происходит в суде, а деятельность полиции, органов дознания, прокуратуры, иных специальных должностных лиц на досудебной стадии сводится к формированию минимальной совокупности фактических данных о преступлении, позволяющих выдвинуть обвинение против конкретного лица и квалифицировать его действия. В дальнейшем перед судом, присяжными заседателями разворачивается деятельность сторон

обвинения и защиты, на которые и возложено бремя доказывания, что есть по сути установление обстоятельств уголовного дела.

В рамках данной правовой модели именно стороны обвинения и защиты, реализуя свои сугубо утилитарные интересы, призваны путем представления доказательств, проведения экспертиз, допроса свидетелей защиты или обвинения, взаимной полемики и подробного аргументирования своих позиций раскрыть перед судом (присяжными заседателями) фактические обстоятельства совершенного преступления. Высказывая любой тезис, представляя то или иное доказательство или допрашивая свидетеля, представитель стороны, будь то адвокат или государственный обвинитель, действует в рамках своего конкретного процессуального статуса, выражая позицию соответствующей стороны. Таким образом, их действия никогда не бывают свободны от внутреннего целеполагания, которое обусловлено принадлежностью к той или иной стороне в процессе. В данном контексте истина у каждой стороны своя, она обоснована определенным перечнем доказательств и имеет свои совершенно ясные очертания. Таким образом, обстоятельства преступления, являющегося предметом судебного разбирательства, высвечиваются перед судом (в англосаксонской системе перед присяжными заседателями) под углом зрения, выгодным той или иной стороне. Судья, ведущий процесс, занимает пассивную позицию, лишь оценивая те или иные аргументы, не выполняя самостоятельно действий, направленных на полное и объективное установление всех обстоятельств дела. В результате закрепления неких обстоятельств в итоговом решении суда сторона получает те или иные выгоды или преференции, к которым она стремится и получением которых обусловлена ее уголовно-процессуальная деятельность. Истинность в данном случае подменяется некой категорией выгоды, полезности.

Указанные теоретические построения обстоятельно исследовались рядом известных американских процессуалистов. В частности, в классическом труде Дж. Фрэнка «Courts on Trial», многократно переиздававшемся в США начиная с середины XX в. и являющемся одним из наиболее известных пособий по американскому уголовному судопроизводству, автор специально посвящает этому отдельную главу. Ее название «Теория “Сражения” в сравнении с теорией “Истины”» отражает теоретические и научно-практические изыскания в данной области: «Цели юриста состоят в выигрыше борьбы, а не в оказании помощи суду в установлении фактов», «юристы полагают, что, когда каждая сторона, действуя только в своих интересах, пытается донести до суда выгодные ей факты, это способствует установлению обстоятельств дела»². Суд трактуется автором как не-

¹ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016. С. 429.

² Frank J. Courts on Trial. Princeton; N. J., 1950. P. 80—102.

кий механизм, с помощью которого конфликт между сторонами вводится в правовое русло; те споры, которые в первобытном обществе разрешались с помощью физической силы, буквального сражения, в наши дни решаются в судебных залах, что, впрочем, не меняет сути деятельности спорящих субъектов — добиться победы над противником. Вопрос только в средствах: несколько тысячелетий назад это были кулаки и дубинки, в наше время — дорогостоящие адвокаты и изысканные правовые аргументы.

Аналогичных взглядов придерживались и другие известные американские правоведы (Пенсильванский университет — Г. Абрахэм, Гарвардский университет — Э. Морган, Колумбийский университет — Дж. Уэйнштейн)³.

Источником такой трактовки уголовно-процессуальной деятельности является философия прагматизма, идеи которого очень сильны в американском обществе в течение всей его истории, начиная с XVIII—XIX вв. Ведь уголовный процесс не является институционально самостоятельным элементом общества. И в научном, и в социологическом ключе он подчинен как внутренней, так и внешней логике. Система уголовного судопроизводства формируется и функционирует в конкретном обществе и с социологической точки зрения не может быть оторвана от него, от господствующих и не противоречащих мнению большинства его членов мировоззренческих установок и правопонимания, при этом одновременно формируя их. В XIX — первой половине XX в. философия прагматизма приобретает достаточно широкое распространение, в первую очередь в Соединенных Штатах Америки, а в дальнейшем и в других странах, выбравших в силу тех или иных обстоятельств американскую модель развития общества. Указанное воззрение наиболее отвечает мировоззренческим установкам среднего американца.

Взгляд, брошенный на историю этого учения, поможет выяснить, что же такое прагматизм. Название это происходит от греческого слова «прагма» — «действие». Впервые термин «прагматизм» был введен в философию Ч. Пирсом в 1878 г. В статье «Как сделать наши идеи ясными»⁴ Пирс указывает сперва, что наши убеждения (beliefs) — фактически правила для действия; затем он говорит, что, для того чтобы выяснить смысл какого-нибудь утверждения, мы должны лишь определить тот способ действия, которое оно способно вызвать: в этом способе действия и заключается для нас все значение данного утверждения.

На обыденном уровне можно говорить о некоей философии действия. Первичны действия по дости-

жению вполне определенных в той или иной сферах результатов. А венец всякой деятельности — это ее завершение, успех. В рамках философии прагматизма понятие Истины теснейшим образом связывается с понятием успеха. Содержание наших мыслей в данном случае связано не с описанием или объяснением тех или иных фрагментов действительности, а с совокупностью тех практических следствий, которые могут быть получены из того или иного объяснения анализируемых фрагментов действительности.

Развитие философии прагматизма связывается с соответствием ее идее американского образа жизни, которая выражена в ориентации на практический успех. Соответственно и мышление должно развиваться в категориях выгоды как стремления к достижению некоего комфорта — материального, морального, душевного. Отцы-основатели этой концепции Ч. Пирс, Дж. Дьюи, У. Джеймс заложили в философском плане парадигму прагматизма, в рамках которой она и развивалась в жизнедеятельности американского общества, принципах функционирования отдельных его элементов, в том числе и в уголовно-процессуальном сегменте.

Согласно воззрениям Ч. Пирса, «истинность, и ложность — свойства, принадлежащие лишь суждениям»⁵. Он формулирует позицию, что истинных идей по сути не существует. Никакая идея сама по себе не содержит истинного знания. Содержание идеи зависит от того, как она нами понимается, как она нами трактуется. А эта трактовка зависит от тех практических следствий, которые из нее следуют. Истина для прагматизма — «это родовое название для всех видов определенных рабочих ценностей в опыте»⁶. В данном ключе наша обязанность искать истину проистекает из нашей общей обязанности делать то, что окупается. То ценное, что приносят с собой истинные идеи, есть единственное основание, почему мы обязаны следовать за ними⁷.

Прагматическая максима может быть выражена так: понятие об объекте достигается на основании рассмотрения всех практических следствий, которые, как мы считаем, могут быть произведены данным объектом. То есть идея сама по себе ничего не значит, важно то, какие практические следствия эта идея может нам предложить. Если мы рассмотрим некий объект, обладающий определенными характеристиками, с позиции практических следствий, вытекающих из того или иного понимания этого объекта, тогда наши знания приобретут более или менее совершенный характер. Следовательно, в своей по-

³ См.: Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. 2-е изд. М., 2002. С. 209—210.

⁴ Peirce Ch. S. How to Make Our Ideas Clear // Popular Science Monthly. 1878. January.

⁵ Collected Papers of Charles Sanders Peirce: Vols. I—VIII. Cambridge (Massachusetts), 1932—1958. Vol. V. § 553.

⁶ Джеймс У. Воля к вере. Пер. с англ. / сост. Л. В. Блинныеков, А. П. Поляков. М., 1997. С. 223.

⁷ См.: Джеймс У. Прагматизм: Новое название для некоторых старых методов мышления. М., 2015. С. 141.

знавательной деятельности мы должны опираться в первую очередь на исследование вопроса о том, что мне дает подобное понимание этого объекта. Какие практические следствия вытекают из того, что я данный объект буду понимать так или иначе. Истина, говорит Пирс, не может трактоваться как нечто совершенно оторванное от тех задач, которые ставит перед собой человек.

Дальнейшее развитие подобный способ мышления получил в концепции необихевиоризма, который рассматривает мышление как приспособительные действия организма, направленные на решение задачи в проблемной ситуации.

Указанные философские установки реализуются в институте сделки с правосудием, широко распространенном в американском уголовном судопроизводстве. В различных источниках фигурируют данные, что от 90 до 97% уголовных дел в США заканчиваются применением института сделки между защитой и обвинением. Такое положение дел подвергается существенной критике с теоретических позиций, но с прагматической точки зрения вполне адекватно отражает интересы сторон в процессе. Действительно, сделка по своей сути — это квинтэссенция реализации принципа прагматической максимы, указанной выше. С одной стороны, обвиняемому выгодно договориться с прокурором, получить от него гарантии наиболее благоприятного для себя результата рассмотрения дела. С другой стороны, прокурору выгодно получить от обвиняемого признание вины, что позволяет не раскручивать маховик судопроизводства, добиться обвинительного приговора и сэкономить государственные средства. В данном случае строгие процессуальные соображения не играют существенной роли. Вопросы точной квалификации, досконального выяснения всех обстоятельств конфликта, что является самоочевидным в российской и вообще континентальной модели, не имеют в англосаксонских судах существенного значения. Дискреционное усмотрение правоприменителя возведено в абсолют. Дж. Фрэнком отмечалось, что уголовный процесс самоценен не сам по себе, а как средство разрешения конкретного уголовно-процессуального конфликта, т. е. некий механизм выработки взаимоприемлемого решения. Отсюда широкое дискреционное поле усмотрения прокурора, который перед направлением дела в суд, обладает существенными полномочиями по изменению квалификации, оценке смягчающих и отягчающих обстоятельств, уточнению вида и размера наказания и т. д. Именно эти компоненты являются «полем деятельности», на котором вырастают условия заключения взаимоприемлемых сделок о признании вины между прокурором и обвиняемым. Причем потерпевший на это поле допускается в строго ограниченных рамках. В этом контексте точное установление фактических обстоятельств дела, раскрытие материальной истины в процессе не имеют самоценного

значения, являясь лишь механизмом формирования указанного поля, ценность которого обусловлена исключительно возможностью получения его плодов в виде сделки между сторонами, что, собственно говоря, и отражает интересы сторон.

При этом нельзя сказать, что материальная истина как установление точных фактических обстоятельств совершенного преступления не интересует правоприменителя в американской уголовно-процессуальной системе. Эти обстоятельства важны для любого лица, участвующего в деле о конкретном преступлении, в силу как профессиональных (судья, следователь, адвокат, прокурор, полицейский и т. д.), так и личных (обвиняемый, потерпевший, гражданский истец и др.) интересов. Даже журналиста и рядового обывателя, живо интересующихся «громкими» преступлениями, в первую очередь интересуют объективные факты о преступлении, раскрывающие механизм его совершения. Никакое разрешение дела по существу невозможно без установления обстоятельств совершенного преступления, поэтому вне зависимости от общей концептуальной модели процесса органы расследования так или иначе осуществляют деятельность для этой цели.

Главными концептуальными различиями становятся наличие, во-первых, нормативно закрепленной обязанности соответствующего должностного лица устанавливать обстоятельства совершенного преступления полно, объективно и всесторонне, безотносительно к роли, которую они сыграют для обвинения или защиты, и во-вторых, соответствующие стандарты доказывания, исходя из которых некое важное для дела обстоятельство считается установленным, и выносится решение о виновности или невиновности обвиняемого.

Типичный образец степени убеждения судей и присяжных в американских судах для вынесения обвинительного приговора по уголовным делам выражается в формуле: доказывание или убеждение «вне разумных сомнений» (*beyond a reasonable doubt*). Правило это появилось в англо-американском судопроизводстве в конце XVIII в. и применялось первоначально лишь к наиболее опасным преступлениям, ибо считалось очень сильным требованием. Затем оно было популяризовано юристом Старки, который выразил его (1824 г.) как убеждение в «моральной достоверности вне всяких разумных сомнений»⁸. В американской же судебной практике это правило получило

⁸ Старченко А. Философия права и принципы правосудия в США. М., 1969. С. 50. Цит. по: *May C. J. Some Rules of Evidence: Reasonable Doubt in Civil and Criminal Cases* // *American Law Review*. 1876. Vol. X. P. 642. Судя по всему, Старки — это Альфеус Старки Уильямс (*Alpheus Starkey Williams*) (29 сентября 1810 — 21 декабря 1878) — американский юрист, судья, журналист, конгрессмен и генерал армии в годы гражданской войны в США.

широкое распространение после известного решения, вынесенного в 1850 г. судьей Шоу по делу Вебстера. В нем говорится, что «доказательства должны установить истину факта с разумной и моральной уверенностью, которая убеждает и направляет понимание и удовлетворяет разум и решение. Это мы и рассматриваем как доказывание вне разумных сомнений»⁹.

Таким образом, от суда, осуществляющего оценку доказательств и принимающего решение по делу, требуется отсутствие сомнений, что является следствием определенных мыслительных законов. Ведь переосмысление научных понятий в прагматизме прежде всего коснулось понимания процесса мышления. Как говорит один из исследователей прагматизма Тэйер, «Пирс производит радикальное исправление нашей интерпретации функции мысли»¹⁰. Это исправление состояло в том, что мышление стало пониматься Пирсом не как деятельность, направленная на познание окружающего мира, а лишь как активность, имеющая своей целью преодолеть сомнения и достичь веры.

В этом же смысле, видимо, следует понимать одно из встречающихся у Дьюи определений истины, согласно которому истина — это «то, что принимается на адекватных основаниях»¹¹. То есть критерием истинности является не соответствие внешней реальности, а возможность применения добытых знаний для осмысления уже полученного опыта. Фактически Дьюи отменил своей теорией различие между актом познания и практическим действием: любые гипотезы, теории, идеи о реальности ценны лишь в той степени, насколько они облегчают решение жизненно важных для человека проблем, возникающих из его опыта. Функция интеллекта при получении знаний не в том, чтобы копировать объекты, а в том, чтобы устанавливать с ними наиболее выгодные отношения.

Идеи сами по себе не являются истинными или ложными. Идеи могут быть живыми или мертвыми. Идеи должны не просто отражать действительность, они должны помогать человеку в этом мире выживать, приспосабливаться, достигать определенных результатов. Вопрос об истинности или ложности вообще не стоит на повестке дня. Если некая идея вдохновляет какое-то сообщество людей (в нашем случае стороны в процессе), значит, она является живой и в определенной мере истинной. Мышление в данном ключе — это не просто процесс оперирования понятиями, суждениями, это не просто процесс построения умозаключения, а это определенного ро-

да приспособительная деятельность, направленная на выработку веры, уверенности в каком-либо сегменте. Вера, уверенность — это готовность действовать определенным образом. Прагматизм — это философия действия. Поэтому, говорит Пирс, давайте оставим в стороне вопрос об объективной истинности или ложности наших постулатов, главное, чтобы человек верил в них. Уверенность является критерием истинности¹².

На вопрос, поставленный еще Юмом, о различии между просто идеей и верой (или идеей, в которую мы верим), Пирс вслед за английским психологом А. Бэном ответил, что вера — это готовность действовать. Для Бэна готовность действовать была признаком или критерием веры. Для Пирса она превращается в содержание веры. То, как мы готовы действовать на основе идеи, в которую мы верим, составляет все содержание этой идеи, о чем бы она ни говорила, в каких бы терминах она ни была выражена¹³. Человеческие сомнения неприятны, они вызывают усилие достигнуть состояния веры. Это усилие Пирс называет исследованием. «Деятельность мысли возбуждается раздражением сомнения и прекращается, когда верование достигнуто; таким образом, производство верования есть единственная функция мысли»¹⁴. Согласно Дьюи, «исследование относится к сомнению..., исследование начинается с сомнения, оно заканчивается установлением условий, которые устраняют необходимость в сомнении»¹⁵. Вместо «истины», даже как «того, что принимается на адекватных основаниях», он стал говорить об «оправданной утверждаемости» как результате успешно проведенного исследования. Настоящий эмпирист или инструменталист не будет спрашивать, истинно это утверждение или ложно, он спросит лишь, оправдывает ли оно себя с точки зрения той цели, которую мы ставим перед собой в данной ситуации, с точки зрения той проблемы, которая должна была получить решение. Понятие «оправданная утверждаемость», представляющее собой логическую форму «работоспособности», по мнению Дьюи и некоторых его комментаторов, оказывается гораздо более удобным, чем понятие истины или знания.

Итак, с точки зрения прагматизма (Пирс, Дьюи) Истина — это то, во что мы верим, точнее, это верование, не подверженное сомнению, что, собственно, и имеет своим закономерным следствием основопо-

⁹ Цит. по: *Wigmore J. H. A Treatise on the Anglo-American System of Evidence // Trials at Common Law. Vol. IX. Boston, 1940. § 2496. P. 318.*

¹⁰ *Thayer H. S. Pragmatism // A Critical History of Western Philosophy. L., 1964. P. 440.*

¹¹ *Dewey J. Essays in Experimental Logic. Chicago, 1916. P. 63—64.*

¹² См.: *Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Harvard University Press, 1960. Vol. V. § 419; цит. по: Буржуазная философия кануна и начала империализма: учеб. пособие / под ред. А. С. Богомолова, Ю. К. Мельвиля, И. С. Нарского. М., 1977. С. 319.*

¹³ См.: *Современная идеалистическая гносеология: критические очерки / под ред. Г. А. Курсанова. М., 1968. С. 330.*

¹⁴ *Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Vol. V. § 394, 396, 400.*

¹⁵ *Dewey J. Essays in Experimental Logic. P. 63—64.*

лагающий принцип *beyond a reasonable doubt*, на котором базируется англосаксонская система оценки доказательств.

Формула «доказывание вне разумных сомнений», несмотря на необычайную путаницу многочисленных определений, также истолковывается и в американской теории, и судебной практике как состояние сознания судей или присяжных, содержанием которого является субъективная уверенность в существовании исследуемых фактов. Профессор В. Болл не без основания заявляет, что требования к стандартам доказывания в американском уголовном процессе прямо относятся к состоянию ума исследователя или «разумного» ума¹⁶.

Верно отмечено А. А. Старченко, что традиционные формулы фактически не содержат указаний на стандарты доказывания, ибо не поясняют, каким требованиям должны удовлетворять те доказательства, на которых базируется судебное решение. Они не указывают и тех критериев, которые должны быть положены в основу судейского убеждения. По сути дела эти формулы крайне неопределенно и двусмысленно описывают лишь степень веры или внутреннего убеждения судьи, а не логические основания, достаточные для формирования объективного знания¹⁷. Применительно к познанию единичного события в суде это понятие может означать лишь степень правдоподобия или степень субъективной уверенности исследователя.

Не удивительно поэтому, что применение данного правила доказывания отрицательно сказывается на расследовании наиболее серьезных преступлений. Нельзя не согласиться с мнением профессора У. Пиззи из университета Колорадо: «Доказать вину обвиняемого вне разумных сомнений очень трудно в любой юридической системе. Существует большое количество серьезных преступлений в каждой системе, которые остаются до конца нераскрытыми. По многим из них правоохранительным органам были известны данные о том, кто может быть причастен к их совершению, однако отсутствовали достаточные доказательства для обвинения и доказательства вины конкретных лиц с учетом применения правила «вне разумных сомнений»¹⁸. С учетом широкого дискреционного усмотрения предсказать, какое решение будет принято по делу, почти невозможно. Указанным автором проведена глубокая критическая оценка американской системы уголовного судопроизводства в сравнении с континентальной моделью, на основе че-

го сделан вывод о существенном недостатке истинности в юстиции США¹⁹.

Также отметим, что вслед за У. Пиззи ряд крупных американских юристов, в противовес указанным выше, определенно высказывались в поддержку положения, что в суде должна устанавливаться истина, а не такие ее паллиативные формы, как «отсутствие разумных сомнений» или менее распространенные («грубое приближение», «перевес доказательств» или «гипотеза о виновности»). К ним относятся известные в США теоретики и практики Дж. Уигмор, А. Вандербильт, Д. Феллмэн, В. Стэнтон²⁰.

В силу их позиции или исходя из каких-то иных факторов, но в последние десятилетия XX в. в американских законах и иных правовых актах довольно часто можно встретить предписания, в которых фигурирует понятие Истины как таковой, впрочем, через призму вышеуказанных правил доказывания.

Одним из примеров может послужить §1096 Карательного кодекса (Penal Code) штата Калифорния: «Обвиняемый в любом уголовном деле, — говорится в нем, — презюмируется невиновным до тех пор, пока не доказывается иное, и в случае разумного сомнения относительно того, что его вина убедительно подтверждена, он имеет право на оправдание, хотя цель этой презумпции заключается только в возложении на штат бремени доказывания вне всякого разумного сомнения (*beyond a reasonable doubt*) его виновности...». И далее: «Под разумным сомнением понимается следующее: «Оно не является просто возможным сомнением, поскольку все, относящееся к делам человеческим (*human affairs*), открыто для какого-то возможного или воображаемого сомнения. Оно представляет собой такое положение дела, при котором, после полного сопоставления и рассмотрения всех доказательств, сознание присяжных остается в таком состоянии, когда они не могут сказать, что испытывают твердое убеждение в *истинности* обвинения (*an abiding conviction of the truth of the charge*)». В УПК штата Техас, например, ориентация на установление истины содержится в норме, регламентирующей предварительное слушание дел до их направления в суд первой инстанции для разбирательства по существу. Немало примеров употребления термина «истина» содержится в правилах доказывания, издаваемых судами. В частности, в Правилах доказывания, принятых в штате Нью-Джерси (правило 5 или правило 102), где термин «истина» употреблен в следующем контексте: «Настоящие правила должны толковаться так, чтобы обеспечивалась беспристрастность при их осуществлении, устранение неоправданных расходов и затрат времени, а также упрочнение и совершенствование доказательственного права с тем, чтобы в конечном счете

¹⁶ Цит. по: Старченко А. Философия права и принципы правосудия в США. М., 1969. С. 60. См.: Ball V. C. The Moment of Truth: Probability Theory and Standards of Proof // *Essays on Procedure and Evidence*. Nashville, 1961. P. 85.

¹⁷ См.: Старченко А. Философия права и принципы правосудия в США. С. 60.

¹⁸ Pizzy W. T. *Trials without Truth*. N. Y., 1999. P. 56.

¹⁹ См.: Pizzy W. T. *Op. cit.* P. 45.

²⁰ См.: Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 211.

могла устанавливаться истина (the truth) и разрешались справедливо возникающие вопросы»²¹. Впрочем, данные примеры скорее факультативны и не отражают главенствующих умонастроений в американском уголовном процессе, тем более что нормативного закрепления понимания истины как соответствия объективной действительности мы не обнаружили.

При анализе прагматической доктрины необходимо иметь в виду, что прагматизм часто пользуется словами «истина», «реальность», «исследование» и проч. в их самом обычном, принятом наукой значении. Когда же они появляются в контексте гносеологического анализа, когда нужно дать им определение или указать на то, как они толкуются в прагматизме, то неожиданно оказывается, что они должны пониматься и якобы все время понимались в совершенно ином, прагматическом смысле. Особенность прагматизма не только в том, что значение понятий изменяется, но и в том, что эти измененные значения фигурируют наряду с традиционными и смешиваются с ними. В результате этого ни одно важное положение не формируется прагматистами точно и недвусмысленно, и никогда нельзя знать, что именно они имеют в виду в том или ином случае.

По мнению Пирса, все человеческие ощущения и понятия, следовательно, и «истина» — это не отражение объектов, существующих независимо от сознания, а лишь знаки, обозначающие те или иные элементы сознаваемого содержания. Так как всякое познание, согласно концепции Пирса, осуществляется посредством знаков, т. е. состоит в той или иной форме обозначения, то процесс оперирования знаками неизбежно оказывается замкнутым. Он не имеет выхода к объективной действительности и не может служить средством отображения последней. По мнению Пирса, для определения значения какого-либо знака мы должны определить, какие «привычки» он порождает. Значение, с его точки зрения, определяется только отношением знака к привычкам, действиям, операциям, которые производятся в процессе употребления знака²². Или, короче говоря, значение — это совокупность практических последствий употребления знака. Аналогичные взгляды выражал и Джеймс. Он говорил, что значение знака состоит в том опыте, на котором основано его употребление и который предвидится и проверяется с его помощью. Эффективное значение любого высказывания всегда сводится к конкретным последствиям в будущем активном или пассивном практическом опыте²³. Так же и Дж. Дьюи рассматривал концепцию знака и значения, основанную на превратном понимании «дея-

тельности» и ее «полезности». Функция обозначения сводится лишь к процессам соотнесения и преобразования, осуществляемым субъектом в сфере его опыта. Таким образом, по мнению Дьюи, никакое объективное содержание в значениях не отражается. Значение знаков определяется исключительно активностью субъекта, потребностями его поведения. Указанное неизбежно приводит прагматистов к отрицанию того, что в знаках фиксируются значения, являющиеся мысленными образами различных предметов, свойств и отношений объективной действительности. Прагматисты отождествляют мысли со знаками. Последние характеризуются как особые стимулы, вызывающие реакции, направленные на достижение субъектом тех или иных целей.

В концепции другого известного американского ученого-прагматиста Ч. У. Морриса, специально занимавшегося разработкой вопросов семиотики²⁴, знак, обозначающий предмет и значение, совершенно замкнут в сфере поведения и целиком исчерпывается им. Истинное значение знака сводится к эффективности его употребления.

Таким образом, становится очевидной второстепенность терминологических наименований, используемых в системе доказывания. Важна сущность производимых и осознаваемых при этом мыслительных операций субъекта, принимающего процессуально значимое решение. Даже закрепление в нормативных актах терминологических формулировок, использующих дефиницию истины, не гарантирует ее правопонимание как соответствие действительно имевшим место обстоятельствам, а не прагматическому способу восприятия.

Вопрос в том, является ли истина самоценной как некий абстрактный компонент, самодовлеющий над уголовным процессом и задающий вектор его развития, неким важным процессуальным понятием, волей или неволей заставляющим правоприменителя с ним считаться. Либо это просто набор фактов, степень установления, интерпретация и субъективная оценка которых позволяют обеспечить выгодные для себя результаты. Тогда становится понятным, что в первом случае нормативное закрепление указанной категории вытекает из контекста правоприменения, а во втором оно не является принципиальным и совершенно не требует нормативного выражения. Первичным является дискреционное усмотрение обвинителя, его решение о продолжении или прекращении преследования, так называемое усмотрение обвинительной власти (prosecutorial discretion in charging), формируемое прагматическими соображениями.

В качестве итога вспомним Р. фон Иеринга, который исходя из учения о достаточном основании полагает, что право целиком является продуктом цели.

²¹ Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Указ. соч. С. 212—213.

²² См.: Peirce Ch. S. Values in a Universe of Chance. N. Y., 1958. P. 123.

²³ См.: Джеймс В. Прагматизм. С. 35.

²⁴ В 1938 г. появилась его работа «Основы теории знаков», а затем он опубликовал труд «Знаки, язык и поведение».

При изменении законов действует причинно-следственная связь, одно изменение неизбежно влечет за собой другое. Это явление он называет «психологическим законом причинности», или законом цели (*zweckgesetz*). Причина возникновения права имеет отношение к прошлому, а цель — к будущему. Тем не менее побудительным толчком образования права является идея, которую необходимо через него достигнуть. Вместе с тем с течением времени в результате деятельности у человека появляются новые по-

требности и новые цели, в соответствии с которыми изменяется и право²⁵.

Соответственно, в уголовном процессе цель в виде достижения прагматического результата часто вступает в противоречие с целью в виде достижения материальной истины, что предопределяет необходимость расстановки приоритетов.

²⁵ См.: *Jhering R. fon. Der Zweck im Recht*. 2 Aufl. Leipzig, 1886. Bd. I. S. 3—10, 112—113.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ball V. C. *The Moment of Truth: Probability Theory and Standarts of Proof // Essayes on Procedure and Evidence*. Nashville, 1961.
- Collected Papers of Charles Sanders Peirce: Vols. I—VIII. Cambridge (Massachusetts), 1932—1958. Vol. V. § 553.
- Dewey J. *Essays in Experimental Logic*. Chicago, 1916.
- Frank J. *Courts on Trial*. Princeton; N. J., 1950.
- Jhering R. *fon. Der Zweck im Recht*. 2 Aufl. Leipzig, 1886. Bd. I.
- Peirce Ch. S. *How to Make Our Ideas Clear // Popular Science Monthly*. 1878. January.
- Peirce Ch. S. *Values in a Universe of Chance*. N. Y., 1958.
- Pizzy W. T. *Trials without Truth*. N. Y., 1999.
- Thayer H. S. *Pragmatism // A Critical History of Western Philosophy*. L., 1964.
- Wigmore J. H. *A Treatise on the Anglo-American System of Evidence / Trials at Common Law*. Vol. IX. Boston, 1940. § 2496.
- Буржуазная философия кануна и начала империализма: учеб. пособие / под ред. А. С. Богомолова, Ю. К. Мельвиля, И. С. Нарского. М., 1977.
- Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. *Уголовный процесс западных государств*. 2-е изд. М., 2002.
- Джеймс У. *Прагматизм: Новое название для некоторых старых методов мышления*. М., 2015.
- Джеймс У. *Воля к вере*. Пер. с англ. / сост. Л. В. Блинников, А. П. Поляков. М., 1997.
- Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016.
- Современная идеалистическая гносеология: критические очерки / под ред. Г. А. Курсанова. М., 1968.
- Старченко А. *Философия права и принципы правосудия в США*. М., 1969.